

Если задаться вопросом о содержании культурной политики России, возникает чувство известной растерянности. Какая-то она неопределенная. При том что она, несомненно, есть. Государство тратит на культуру порядка 100 млрд федеральных рублей ежегодно — это должно быть осмысленно. Но понять как, затруднительно.

Производство культурных смыслов

Вернее сказать, нет ни малейшей проблемы понять, как тратятся эти деньги. 95% их тратится по прецеденту. Были музеи, и будут музеи, были цирки — и будут, были памятники — и будут, плюс международное сотрудничество. 5% — новые инициативы. То Владимир Путин дарит Валерию Гергиеву новый Мариинский театр, то Дмитрий Медведев дарит Ирине Антониной новый Пушкинский музей. Но если то, как тратятся эти деньги, понятно, то зачем они тратятся, как-то не удается сформулировать. Это обидно. Если мы производим не совсем понятно что, то очень трудно судить о том, хорошо ли мы это производим.

С другой стороны, не может такая большая машина ехать без смысла. Все куда-то она поворачивает, что-то давит, и пусть законы этого движения неизвестны, люди живут так, как будто хорошо их знают.

Мне кажется, эвристически можно предположить, что если смысл движения машины никак не формулируется, то у государства нет никаких интересов в культуре. Это означает, что тут есть интересы кого-то другого, что чего-то хочет другой субъект, не государство. Для простоты, я полагаю, можно объявить всю культурную политику нашего государства результатом деятельности различных лоббистских групп. Есть кинематографисты, театральные деятели, классические музыканты, музейщики, библиотекари, и если их перестать финансировать, поднимется шум.

Стоит так поставить вопрос, и цели политики государства в области культуры станут ясны. Во-первых, нужно определить морфологию шума — его центр, ареал распространения, мощность, частоту и длительность, как с землетрясениями. Во-вторых, определить направления воздействий, позволяющих шум минимизировать.

Правильнее, понятно, воздействовать на тех членов лоббистских группировок, которые обладают наибольшим шумоподавляющим эффектом, что порождает специфический институт государственных звезд. Они могут быть в кино, в музыке, в театре — в принципе в любой сфере, производящей большой шум, но иногда в силу личных пристрастий государственных служащих могут возникнуть, скажем, звезды археологии. Поскольку авторитет культурной звезды прямо связан с тем, сколько народу ее знает, а это отчасти связано с возрастом, то это люди начиная от 60 лет, с понятными пристрастиями, вкусами, взглядами, что удобно, поскольку они обладают высокой степенью предска-

зуюмости. Кроме того, чиновники здесь вынуждены хотя бы отчасти полагаться на собственные вкусы, а в силу их большой занятости вопросы государственного управления эти вкусы у них не очень развиты, так что и это подталкивает их в сторону общеизвестных фигур.

Вместе это порождает особый консерватизм нашей культурной политики. Я хочу подчеркнуть, что это вовсе не консерватизм как культурный выбор — он произрастает не из культурных приоритетов, но как следствие механизмов диалога между лоббистскими группами и государством. Скажем, государству не приходится в голову поддерживать классическую живопись, хотя с позиции консерватизма это было бы осмысленно. Но классические живописцы как лоббисты очень маловлиятельны, шум от них ничтожен, так что нечего и заморачиваться. То же с классической архитектурой, но не то же с классической музыкой или оперным театром. Потому что если не унять маэстро Гергиева, это приведет к ненужным колебаниям в представительном социальном слое. Культурная ориентация определяется тем, что в каждой влиятельной лоббистской группе выбираются наиболее общеизвестные, а стало быть, устойчивые и проверенные фигуры и вкусы. Механизм отбора работает на консервацию ситуации.

Таким образом, у машины культуры несколько неожиданная конфигурация, поскольку ее двигатель расположен не в государстве, государство скорее выполняет функции тормоза. Однако при этом она имеет понятный культурный смысл. И я бы даже не сказал, что он плох. Государственная культура в России всегда занималась тем, что производила ситуацию определенности, ощущение стабильности, связанного с традициями и обладающего большой степенью предсказуемости социума, выстроенного на культурных авторитетах. Здесь нет особого различия, оказываются ли в роли этих авторитетов церковные иерархи, идеологи славянофильства, коммунистические мыслители, актеры, режиссеры или пожилые руководители рок-групп. Важно, что они сами всегда и они говорят и делают примерно одно и то же. Это в общем-то и есть то, что любое патерналистское государство жаждет от своей культуры, авторитет отца всегда жидется на том, что в семье рассказывают примерно одни и те же сказки.

И вот только одно непонятно. Ну как так у них устроено, что государство ухитряется поддерживать современных художников, радикальных авангардистов, театральные эксперименты, новые социальные практики и т. д.? Во Франции, Швейцарии, Голландии, Германии — как? И я не в том смысле это спрашиваю, что как

у них совести хватает поддерживать такую гадость, это другой вопрос. Я про то, как получается, что они разбираются, кого поддерживать, а кого нет, кто хороший, кто нет. Вот представьте себе, вам нужно дать государственный грант кому-нибудь из двух художников — один себя распинает и к кресту прибавляет, другой на стенку кусочек скотча клеит. Ну как выбрать, с государственной точки зрения?

Я знаю, что государство у них ничего не решает, все решают эксперты, но почему они доверяют экспертам? Как понимают, каким доверять? Вот у нас, скажем, был сейчас суд над Самодуровым и Ерофеевым по поводу выставки «Запретное искусство», там в роли экспертов, с одной стороны, выступили специалисты с мировым именем вроде академика Вячеслава Иванова, профессора Михаила Алленова, профессора Валерия Турчина, а с другой стороны, Наталья Энеева, дама без научной репутации, сильно сминутая в православному сторону — кого послушал суд? Понятно, что гражданку Энееву. А у них почему не так? Мы руководствуемся соображениями уменьшения шума в среде православных граждан, это понятная логика, почему же они не руководствуются чем-то таким же?

Мне кажется, все же зря говорят, что у них нет идеологии. Идеологии, может, нет, но цель есть. В современном искусстве

«Мы станем лучшими либо безнадежно отстанем»

Олег Чиркунов, губернатор Пермского края

Сегодня все идет по рецепту создания нового успешного постиндустриального общества. Ингредиенты вроде бы известны: университеты, инновации, новые технологии... Вопрос в том, в какой последовательности и пропорции все это должно быть. Понятно одно: в основе всего — человек. Человек интеллектуальный, креативный. Чем выше концентрация таких людей в одной точке, тем больше шансов на успех.

ные события... Чтобы жизнь вокруг кипела. В Пермском крае мы уже решаем эти задачи. Мастер-план Перми разработан архитекторами с мировым именем. Календарь культурных событий уплотнился в разы. Два пермских университета получили статус национальных исследовательских. Что еще нужно сделать? Этому и будет посвящен VI Пермский экономический форум.

Получится ли из этого что-то, не знает никто. Но у нас нет выбора, мы должны двигаться. Либо мы станем лучшими, либо безнадежно отстанем.

Нам нужны эти люди, а им нужна комфортная городская среда, лучшие вузы, признанные научные школы, культур-

Культура против модернизации

Как думаем, так и живем

В России не принято обращать внимание на содержательные составляющие экономического развития, связанные с мировоззрением занятых в хозяйственной деятельности людей — работающие здесь нормы морали (запреты), поведенческие образцы (паттерны, нравы), состав и иерархии ценностей, массовые стереотипы, те модели представлений и действий, которые стоят за национальным характером. В анализе реальной экономики они либо переводятся на периферию профессиональных интересов, либо вообще табуируются. И так как наука к этому не готова, культура у нас не рассматривается в своем широком понимании — как смыслообразующая и тем более регулирующая все виды общественной практики система.

Влияние доминирующих в сознании миллионов «картин мира», мотивационных и поведенческих предписаний, которые как раз и составляют актуальную российскую культуру, возникающая здесь сбой и противоречия совсем не учитываются процедурами экономического мышления.

Если мы не научились считать последствия для экономики того, что Россия уже много лет является чемпионом по количеству брошенных и пострадавших в семье детей, суицидам, потреблению героина, разложению детской порнографии и интернету, мужской смертности, это вовсе не уменьшает значения этих универсальных свидетельств морального, социального-психологического, а следовательно, и экономического климата страны. Если мы никогда не принимаем в расчет, что в настоящее время 59% наших граждан не доверяют даже друг другу, не говоря о государственных институтах (хотели бы

госконтроля цен, 80% — не уважают частную собственность, 51% — терпимо относятся к коррупции, а почти шесть из каждых десяти россиян не хотели бы жить с инородцами и иноверцами в одном доме, то это не значит, что перед инновационным — немислимым без креативной атмосферы — развитием российской экономики не стоит, пусть не просчитанные (а значит, невидимые), культурные барьеры. Не понимающие вызовы времени граждане не способны адекватно на них реагировать.

Большинство населения, к сожалению, живет как бы в параллельном мире неадекватных, часто превратных представлений о происходящем. Моделирует свои действия в соответствии с давно устаревшими взглядами. Негативные следствия этих умонастроений для развития России не рефлексируются, а значит, и не изучаются. А это значит, что можно вообще не обращать внимания на высокие смысловые барьеры, выстроенные за два десятилетия в сознании соотечественников всех возрастов. Не возникает даже мысль, что они во много раз опаснее для экономики, чем «плохие» долги или отсутствие инвестиций. Нет понимания — значит, отсутствует заказ на исследования, нет объективных данных и, в конечном счете, нет самой проблемной области.

Культура — это в первую очередь человек. Экономисты в полном соответствии с профессиональными стереотипами относятся к нему в основном как социально-демографическому субъекту (пол, возраст, место жительства, образование, профессия) или как объекту социальной опеки государства (пенсия, зарплата, возможности банковского кредита, медицинских услуг, обеспечения жильем, учет при голосовании). В фокусе внимания нет челове-

ка думающего, равнодушного или рискованного, руководствующегося в каждом своем движении ценностью программной. А следовательно, и качества личности не рассматриваются как важнейший ресурс хозяйственной практики. Хотя при ее описании активно используются социально-психологическая терминология: «репутация», «страхи», «надежда», «риски», «вера», «ожидания».

Культура никогда не упоминается у нас ни в каком объяснительном контексте актуальных жизненных проблем — исключительно как изолированное место ритуального поклонения. Она не рассматривается ни как производство и распространение смыслов, ни как моделирование всех сфер жизни, ни как передача памяти или заветов. Нельзя даже представить себе, чтобы российские экономические гуру, эксперты, министры, включая самых либеральных, задумывались о том, что нынешнее качество российской культуры — «картин мира», выращенные в головах миллионов трудящихся, — напрямую связано с причинами, скажем, сверхнизкой у нас производительности труда или с величиной национального ВВП. Мотивации наших действий — их проектирование, перереживание рисков, неуверенности или активности, отсутствие или наличие инициативы, терпимость к коррупции или к пропаганде насилия — не связывается с наполнением ценностной и моральной систем. Кажется, что все это не имеет никакого отношения к экономике. А ведь приоритеты — кровеносная система общественной жизни, ресурс модернизации страны. В связи с человеком у нас даже спортивная ответственность есть (спорятся тысячи объектов), а культурной — совсем нет!

(Окончание на стр. 20)

«В России нет правильного отношения к созданию городского пространства»

Архитектурное бюро KСАР Architects & Planners разрабатывает мастер-план Перми с 2008 года. В мае проект был показан публике и специалистам. О реализации идей, заложенных в мастер-плане, с профессором КЕЙ-СОМ ХРИСТИАНСЭ, основателем бюро, поговорила корреспондент «Ъ» МАРИЯ СИДЕЛЬНИКОВА.

— Проект, подготовленный вашим бюро KСАР Architects & Planners, предусматривает серьезную реконструкцию Перми. Как вы хотите изменить город?

— При всем желании полную реконструкцию невозможно осуществить быстро. Нужна постепенная естественная перемена, которая приведет к возникновению лучших условий для жизни города.

В мастер-плане сохранены сегодняшние границы Перми. Проект реконструкции левого берега нацелен на улучшение и перестройку уже существующего города. На правом берегу мы планируем создать рекреационную зону для пермяков — парки и игровые площадки. Наш мастер-план — это не просто зафиксированный документ, это своего рода динамическая концепция развития, которая основана на критериях качества публичного пространства города. Когда мы приехали в Пермь, городские власти планировали построить новые мосты, чтобы создать на другом берегу крупные бизнес-центры. Мы сразу сказали, что это проблематично. Из истории таких городов на реке, как Гамбург, Роттердам, Лондон, Париж, следует, что город не разрастается автоматически и не стано-

вится более приспособленным для жизни, когда начинается застройка другого берега. Обычно рост происходит одновременно на двух сторонах или же из центра, как, например, в Париже. В остальных случаях для отдельного развития берега требуется несколько сотен лет. На наш взгляд, центр Перми развит не настолько, чтобы это стало основанием для создания новой части делового центра на другом берегу Камы. — Что вы подразумеваете под моделью «компактного города»? — Пермь — город слишком растянутый, его части разбросаны на большие расстояния. Это неэффективно с экономической точки зрения. Стоимость дорог и технической инфраструктуры возрастает в разы. В то же время плотность населения крайне низкая. Грубо говоря, в пе-

ресчете на количество жителей и рабочие места в городе столько пустот, что там могла бы уместиться еще одна Пермь. Существует прямое отношение между количеством жителей в районе и качеством их жизни. Например, чтобы создать хорошую автобусную или трамвайную линию, нужно достаточно пассажира, иначе она просто не будет окупаться. Нормальная плотность населения делает общественный транспорт экономически эффективным. Также в районах, где немного людей, нет возможности для создания инфраструктуры — магазинов, ресторанов, школ. Размышляя в этом направлении, более компактный город выгоден не только по экономическим показателям, но и с точки зрения условий для жизни.

(Окончание на стр. 19)

Прямая речь

Сможет ли культурная политика повлиять на экономику?

Евгений Федоров, председатель комитета Госдумы по экономической политике, предпринимательству и туризму: — Культура тесно связана с экономикой. Она определяет манеру поведения всех участников рынка: производителей, продавцов и покупателей. Это долгосрочный фон экономического процесса. В прагматичном ключе культура работает не ранее чем через десять лет, но серьезно. В ближайшие 10–20 лет будет трансформация в сторону экологической экономики, все понимают такую необходимость. Но нам важнее запустить инновационные программы. Культурно мы очень инновационная нация, это изобретательство, творчество — наш козек. Мы объективно являемся основой мирового инновационного развития, нашими идеями движется весь мировой

технологический процесс. Но выгоды от этого нам нет. В мире идеи трансформируются в рынок. Самые богатые страны те, где развито патентование и практическая реализация идей. У нас же связь науки с экономикой отсутствует прежде всего в головах: экономисты не понимают экономики. Они воспитывались в условиях социализма, а переобучить сложнее. Но садиться за парту надо.

Анатолий Артамонов, губернатор Калужской области: — Культура напрямую влияет на экономику. Потребности человека меняются в зависимости от его мировоззрения, вырастает другое потребительское общество. Культурному человеку не надо объяснять, что на работе надо трудиться, а не ждать покаяния. Иностранцы специалисты бывают шокированы, что надо уговаривать работников не прогуливать и быть трезвыми. Правильно, что Чиркунов берет за эту вековую проблему. В нашей области никогда на культуру денег не жалели, но задумчу не решить за несколько десятилетий. Утеряны культурные основы нации. Была прочная традиция не красть, не брать чужого, но ее сменила убежденность, что «все вокруг колхозное, все вокруг мое» и надо побольше утащить. Коллективизм и взаимная поддержка, привитые при социализме, теперь тоже раз-

мыты. Культуру нельзя коммерциализировать. Она воспитывает хорошие качества, необходимы в любом деле.

Виктор Семенов, депутат Госдумы, экс-министр сельского хозяйства: — Я глубоко убежден, что если что и может изменить экономику кроме нее самой, это духовный базис, вера в Бога, в добро и справедливость. Если в обществе не будет духовности, то и самая лучшая экономика в конце концов развалится. Заниматься экономикой и не заниматься душой — это примитивный подход. Он может дать эффект на какое-то время, но в перспективе такая экономика обречена.

Валерий Халилов, начальник военно-оркестровой службы Минобороны, заслуженный деятель культуры России: — Элементы культуры необходимы в любом деле. Даже болванки «тачать» — нужна культура. Не надо путать образование с культурой. Деревенская бабушка в платочке может быть намного культурней, чем человек с двумя высшими образованиями. У действительного культурного человека сильно выражена совесть. Плохо трудиться он уже не сможет, а будет работать ответственно, с пониманием дела. (Продолжение на стр. 18)

review НОВАЯ ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Вызов России

Мировой кризис положил конец нефтяному процветанию России, которое в общем-то и позволило поднять страну после трансформационного кризиса и вернуться на уровень 1990 года.

Следует признать, что в означенный период нефтяного процветания не состоялось серьезных институциональных реформ, кроме, может быть, налоговой, и всерьез не проходила модернизация. Выражалось это, в частности, в увеличении роли сырьевого сектора и отсутствии тех модернизационных процессов, которые должны были бы вызвать появление на мировом рынке новых российских брендов, новых, в том числе инновационных, продуктов.

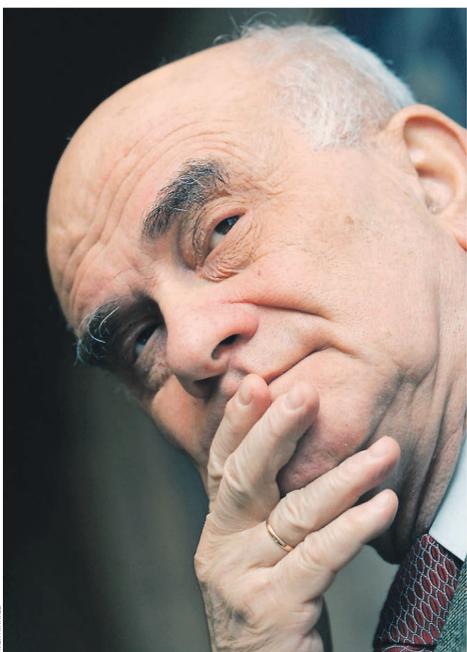
Между тем в мире произошло действительно очень серьезные изменения. На самом деле они начались еще в 1973 году, когда произошло первое повышение цен на нефть. Уже тогда стало ясно, что эра индустриализации закончилась и закончились высокие темпы экономического роста, которые привязаны к нарастающему вовлечению в хозяйственный оборот минеральных природных ресурсов.

В сущности, все инновации ориентированы были именно на то, чтобы придумать применение каких-то новых ресурсов на пользу человечества. Встал вопрос о том, за счет чего мировой экономика будет развиваться дальше. Если разговор о Китае, Индии и других странах третьего мира мог вести относительно того, что они могут освоить уже разработанные технологии, что у них изобилие дешевой рабочей силы, то про развитые страны этого сказать было нельзя. Для развитых стран оставался один-единственный фактор — инновации, ориентированные на повышение эффективности и производительности, на предоставление новых услуг, не связанные с вовлечением дополнительных ресурсов. Это, можно сказать, картина, характерная для всего мира.

Лично я считаю, что новую эру можно назвать стадией инновационного развития или стадией инновационной экономики.

Развитые страны осуществляют переход к инновационной экономике, сталкиваясь с определенными проблемами, в том числе с тем, что традиционные отрасли переселяются в развивающиеся страны. Развивающиеся страны добиваются высоких темпов роста, и пока у них есть рабочая сила, кажется, что они опережают Запад, хотя в действительности они просто ликвидируют отставание, поэтому по темпам роста они вроде бы опережают, но по уровню технологической культуры, по уровню образованности они еще далеко.

Вопрос в том, какова позиция России. Пройдя период трансформационного кризиса, в течение которого, по сути, происходило преобразование тушповой плановой экономики в нормальную рыночную, мы, собственно, вернулись на

мировую арену, вошли, хотя еще и не до конца, в мировую экономику и стали жить общей жизнью. Мы обнаружили, что то, что мы делали раньше, в значительной степени не годится, оно должно как-то быть модернизировано. После того как мы, опираясь на то, на что опираются Китай и Индия, то есть на те технологии, которые уже разработаны, модернизируем экономику, встанет вопрос — что мы предложим миру? Можем ли мы предложить продукты массового производства, как Китай, которые будут иметь то преимущество, что они дешевле? Нет, не можем. Можем ли мы предложить миру, как Запад, новые продукты? Новые услуги, новые технологии? В принципе можем, но для этого мы должны еще донести эти страны.

Я полагаю, что Россия в действительности оказалась перед серьезнейшим вызовом в своей истории. Не потому, что это задача неразрешимая, а потому, что для ее решения нужно менять институты и культуру. Менять ценности — вот что самое трудное. Ведь на самом деле это те изменения, которые касаются каждого человека, которые заставляют людей быть более организованными, более рациональными и одновременно сохраняя какие-то традиции. Скажем, японцы, с одной стороны, усвоили демократические процедуры, но с другой, одновременно сохранили японские традиции, японскую кухню на весь мир. Они пережили культурную революцию. К сожалению, выяснилось, что они тоже попали в полосу кризиса, потому что культурные изменения происходят медленно, довольно мучительно и проч.

Ситуация в России сегодня, после того как мы пережили подъем, связанный с быстрым ростом цен на нефть, и дошли

мировые рынки, они должны обязательно освоить эти институты.

Думаю, что просто развитие человечества — это не национальные особенности англичан, французов или немцев, это особенности европейской культуры, которые появились в ней в результате инновационного развития. Разделение властей — это не то, что мы обязательно должны заимствовать, у нас это вызывает раздражение, потому что это не родилось на нашей почве. Это инновация, которая была придумана для того, чтобы не появлялись тираны, и она освоена западным миром. Но если мы хотим, чтобы у нас человек больше не подавлялся, был свободным и был бы готов занимать свои мозги инновациями, значит, мы должны решить эти проблемы, тем самым демократизация становится важнейшей частью модернизации.

Что касается практических рекомендаций. Я читался самой разнообразной литературы и могу сказать, что я не знаю и никто не знает. Одно из возможных направлений — это изменение облика российских городов с целью создания культурной среды.

Для того чтобы развилась культура и гражданское общество, у них должно быть какое-то место. Это не просто здание школы или здания университета, это определенный облик городов.

У меня в памяти следующий пример. Однажды во второй половине воскресенья мы с друзьями приехали в финский городок Иматра, в прошлом это территория Российской империи, там есть знаменитый водопад, около которого находилась, по моему, императорская резиденция, но не это меня поразило. Очень уютный маленький городок, на площадях полно народу, все кафе рядом, буквально площадка в несколько кварталов, забиты людьми, все они сидят, о чем-то болтают, кто пьет пиво, кто — кофе. Говорят, что это связано с образом жизни финского крестьянина, ведь они в большинстве своем живут на хуторах и общаются редко, поэтому специально приезжают в воскресенье в город, а там уже некий форум, дискуссия, обмен мнениями. Но, главное, это не просто выпивка, а именно такая гражданская жизнь. И практически все европейские города имеют такие центры, где очень приятная для людей обстановка, где можно спокойно посидеть и поговорить. Согласитесь, даже в крупнейших российских городах этого нет, так, чтобы это было доступно всем слоям населения. Начать создавать что-то подобное очень важно. Сейчас на Венецианской выставке российский архитекторы представляют проект центра Вышнего Волочка, который, в сущности, ставит ту же самую задачу — выращивание культуры, новой культуры, создание в российских городах доступных центров общения.

Евгений Ясин, научный руководитель Высшей школы экономики

Поколение медиа

Слово «медиа», которым обозначается возникшее в середине XX века многообразие средств массовой коммуникации, в русском языке появилось позже, чем, скажем, в английском. И смысл его ограничен: в пяти буквах уместаются «советская печать», «российское телевидение» и, наверное, «музыкальное радио». С приходом интернета как платформы распространения информации появился термин «новые медиа» — как нечто отделяющее понятные старые издания и телеканалы от непривычных, нематериальных, нематериальных, нематериальных, нематериальных, нематериальных.

В полноценном понимании «медиа» — это просто способ коммуникации и форма коммуникатора. За этим стоит природа человека, а не — как мы предпочитаем считать для простоты — бумага, бизнес СМИ, политика или теле- или радиочастота. Медиа — распространитель всего, что человек хочет сообщить другим людям. Наша цивилизация и культура рождались в результате коммуникативных актов. Наша культура есть сообщение, и она же есть медиа, то есть посредник при передаче сообщения от человека к человеку.

Одна из сессий Пермского форума будет посвящена медиа и их отношениям с культурным слоем России, с культурными кодами, которыми обмениваются люди в современном мире. Люди, которых собирает Пермский форум для медиадискуссии, — специалисты в «старых» и «новых» СМИ, теоретики и практики, носители уникальной экспертизы и возмутители спокойствия, журналисты и мейджеры — готовы обсудить и прорекомендовать, что упадет единства культуры и посредника ее распространения можно остановить.

Счастливые детство цивилизации демонстрировало нам абсолютное единство культуры и средства массовой информации: античный театр соединял в себе обе функции, работая генератором-передатчиком культурного кода и распространителем.

Современные медиа — что старые, что новые — несут в себе как семена вечных ценностей, исходного, базового культурного кода, так и вирус этих симулякров. Они полны противоречий, как и большинство живых творений человека и человеческого общества. Участники эпохи великих революций, средства массовой информации заслужили право на миссию, на статус общественного института (недаром их иногда, лая, называют «четвертой властью») со всеми вытекающими последствиями — от особых прав до особого культурного статуса. Написанное в газете или журнале, обнародованное по радио и телевидению обретает — именно благодаря прошлым заслугам перед обществами — особый статус. Люди приучены внимательно относиться к сообщениям СМИ. Но СМИ, в свою очередь, далеко не всегда ответственны за тех, кого они приручили.

Для России это особая проблема. Годы советской эксплуатации медиа как транслятора одной «всезильной», потому что верной» идеологии сменились не столько годами свободы, сколько годами искушения — искушения прежде всего тем самым симулякром, порожденным обществом потребления.

Впрочем, не все так беспроивно и ужасно. Счастливые стечение обстоятельств дало нам, как и бывает в драмах (а жанр России, безусловно, драматический), неожиданный шанс на хоть какую-то «развязку» сюжета. Кризис традиционных, прежде всего печатных, СМИ совпал с рождением ново-

го сверхмедиа — интернета, который вселен в смысле способа доставки: ему все равно, текст ли это, аудио или видео. Интернет обеспечивает потребителя продукцией СМИ невероятным уровнем контроля и обратной связью с источником сообщения, которое доставляется или доступно всем, мгновенно. Но столь же мгновенно оказывается и реакция: от внимания до ответа и обмена в тон числе культурным кодом.

Российский интернет неожиданно стал местом, где рождаются и новые социальные явления, и «новые медиа», в которых фактор «общества заинтересованных» значительно сильнее, чем в вещательных СМИ прошлого. Общение, коммуникация становятся, как бы возращаясь к описанному выше средневековому страннику по рыночным площадям, персонализированными, отмеченными культурным кодом личности, донесшей до тебя информацию дальнего и не всегда знакомого сообщества.

Культурная миссия Перми с самого начала была принята этим «новым медием». Ей восхищались и восхищаются, ее ругали, на нее писали доносы и воспринимали как руководство к действию. Когда-нибудь все точно подсчитают и разложат по полочкам, сколько пользы (или вреда) принесли проекту «традиционные СМИ», а сколько — «новые». Однако мне, пусть субъективно, очевидно, что именно в новых каналах, в LiveJournal и Facebook, в «Слоне» и OpenSpace, через специально созданную «Соль» и на сайте «Афиши», Пермский культурный проект находил единомышленников. Людей, которые понимают и разделяют мысль, культурный код этой деятельности. И без людей (а не газет и телеканалов), без их душ, без их личного вклада не может состояться успех проекта. Ведь в пространных культурах нет роботов, нет «потребителей ради денег», нет денег ради денег — только люди и среда их обитания.

Василий Гатов, вице-президент ГИПП

Подписка через редакцию

Консультации персонального менеджера по вопросам обслуживания подписки, предоставление полного пакета бухгалтерской документации (для юридических лиц)

Выбор формы оплаты: пластиковыми картами платежных систем VISA, MASTERCARD, JCB, DINERS CLUB; с помощью платежных систем Яндекс.Деньги и WebMoney; через любое отделение Сбербанка РФ; безналичный расчет; с помощью sms

Чтобы оформить подписку

Оформите счет на оплату для юридических лиц или квитанцию для физических лиц по телефонам: 8 800 200 2556 (бесплатно для всех регионов РФ), (495) 721 2882 или на сайте kommersant.ru в разделе «Подписка»

НОВЫЙ ГОД — С ЛЮБОГО МЕСЯЦА. ГОДОВАЯ ПОДПИСКА 2010

Подписываемся под каждым словом. Подпишитесь и вы.

Стоимость подписки указана за 12 календарных месяцев с учетом доставки силами ФГУП «Почта России» до п.я. Доставка журнала «Citizen K» осуществляется заказной бандеролью.

kommersant.ru

прямая речь

Сможет ли культурная политика повлиять на экономику?

(Продолжение. Начало на стр. 17)

Сергей Савосин, генеральный директор страховой группы МСК. — Я разделяю мнение Олега Чиркунова. Повышение уровня культуры населения ведет к укреплению общечеловеческих ценностей, что позволяет более эффективно взаимодействовать и людям, и компаниям. Я считаю, что изменения повлияют на экономику косвенно, позитивно. Наше правительство осознает всю важность повышения культурного уровня россиян и сохранения традиций. В России с 2006 года действует федеральная целевая программа «Культура России», в рамках которой проводятся работы по сохранению и реставрации объектов культурного наследия, музейных ценностей, архивных документов, библиотечных фондов. В кризисный для российской экономики период усилилось социальное расслоение общества,

истощились межнациональные и межрегиональные связи. Это привело к сокращению устоявшихся культурных уз, ослаблению традиций и замене социальных ориентиров и ценностей. Изменения в культурной среде приведут к установлению цивилизованных правил поведения во всех сферах общества, в том числе и в экономике, так как культура влияет на приоритеты людей, рациональность, возможность анализа и прогнозирования, в том числе и на бытовом уровне.

Игорь Юргенс, председатель правления ИНСОР, вице-президент РСПП. — Взаимосвязь культуры и экономики очевидна. Модернизация — это осовременивание. А осовременивание означает жить более цивилизованно и культурно. Чем больше театров, тем меньше порем. Чем меньше порем, тем больше квалифицированной рабочей силы и хороших инженеров. Именно поэтому я полностью согласен с общей идеей губернатора Чиркунова.

Владимир Кехман, генеральный директор Михайловского театра. — Привязывать культуру к экономике — это, на мой взгляд, самое большое заблуждение. Я против самого этого посыла. Культура — это основа развития общества и государства, а не какая-то дополнительная подпорка. В моем понима-

нии, статус любой страны, любого города в первую очередь определяется их культурным потенциалом. Есть ли там симфонический оркестр, входящий в число лучших мировых коллективов, или театр, куда стремятся театралы со всего света, или музей с выдающейся коллекцией, происходят ли там крупные культурные события — вот что важно. Сам я в Перми никогда не был и теперь с интересом еду туда на форум, чтобы своими глазами увидеть, на чем основаны претензии Перми на звание культурной столицы.

Роман Горюнов, председатель правления РТС. — В целом уровень культуры способен позитивно повлиять на многое. Но все же я убежден, что в плане экономики никаких прямых следствий не будет, потому что уровень культуры не способен повысить объемы продаж! Наверное, здесь подразумевается профессиональный этикет, грамотность, ответственность, своеобразный кодекс правил для сотрудников фирм. А в остальном я даже не знаю, каков будет эффект от подобных инициатив.

Эдуард Бояков, продюсер, режиссер. — Культурная политика — это не миллиарды долларов на реконструкцию императорских театров, не чаепития, на которых премьер обсуждают с народными артистами судьбу уссурийских тигров.

Культурная политика — это ответ на вопрос как актуальная художественная культура взаимодействует с ценностями и установками общества.

К примеру, еще в начале двадцатого века в Америке, считавшая себя родиной демократии, женщины не имели права голосовать на политических выборах. Не думаю, что бизнесмены и политики, среди которых, как и сейчас, было подавляющее большинство мужчин, это сильно раздражало. Ситуация менялась под давлением культуры. Ситуацию изменили те, кто имел дело с нерыночными ценностями — художники, социальные активисты.

Культура не просто влияет на экономику, она ее определяет, она создает мотивы, поведенческие паттерны. Сегодня государство боится актуальной культуры, боится поддерживать и создать условия, в которых общество услышит голос художника. Именно независимые художники, а не демагогополитики способны помочь людям разобраться с картиной мира и реальными проблемами общества — межнациональными и религиозными конфликтами, жизнью маргинальных групп и меньшинств, принятием людьми рыночной идеологии, конфликтом ценностей ориентиров разных поколений. Экономике просто надо следовать за культурой, а не обслуживать рост потребления, от которого захлебывается наша цивилизация.

(Окончание на стр. 19)

Коммерсантъ

Ежедневная общенациональная деловая газета «Коммерсантъ» Главные новости о событиях в бизнесе, политике и обществе (пн — пт) 4026 руб. (пн — сб) 5016 руб.

ВЛАСТЬ

Еженедельный аналитический журнал «Коммерсантъ Власть» Власть в России и других странах: секреты и технологии 1320 руб.

ДЕНЬГИ

Еженедельный экономический журнал «Коммерсантъ Деньги» Основные тенденции и проблемы российской и мировой экономики 1650 руб.

Секрет фирмы

Ежемесячный деловой журнал «Коммерсантъ Секрет фирмы» Реальные примеры бизнеса 660 руб.

ОГОНЁК

Еженедельный общественно-политический журнал «Огонёк» Любимое чтение многих поколений 1056 руб.

А

Ежемесячный автомобильный журнал «Коммерсантъ Автопилот» Первый российский журнал о хороших автомобилях 990 руб.

CITIZEN K

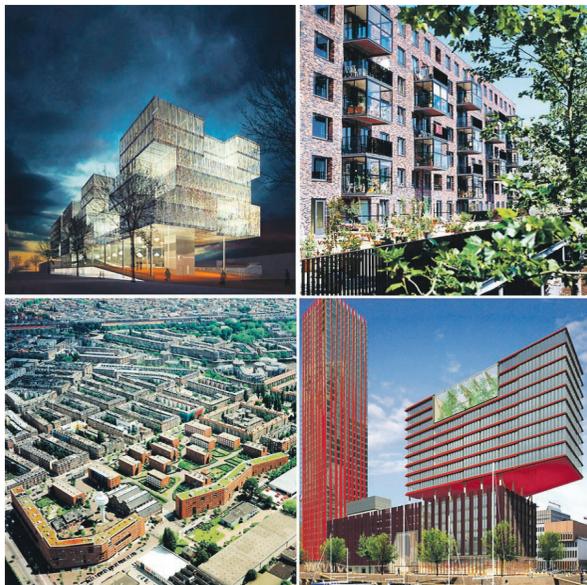
Ежеквартальный культовый европейский журнал «Citizen K» Профессиональный гид в мире стиля, красоты и интересных личностей 924 руб.

review новая экономика и культурная политика

«В России нет правильного отношения к созданию городского пространства»

По замыслу архитекторов КСАР Пермь должна развиваться по модели «компактного города»

С 1989 года 75 сотрудников бюро КСАР разработали 300 архитектурных проектов

(Окончание. Начало на стр. 17)
— Вы работаете в Перми с 2008 года. На какой стадии сейчас находится ваш проект?

— Мы закончили статический мастер-план, он был принят губернатором и мэром Перми. Сейчас он доступен для всех пермяков, его изучают, обсуждают. На основе мастер-плана идет разработка Генплана города. Мы определили некоторые приоритетные направления: это разработка новых музейных проектов, реконструкция Пермского театра оперы и балета, улучшение городского пространства на месте эспланады, строительство нового спального района творится хаос — грязь, какие-то деревья, между ними гаражи, нагромождение хаотично припаркованных машин, нет нормальных игровых площадок. Это реальная проблема, и ее решение — одна из главных наших задач, которую мы стараемся выполнять уже сейчас. Мы уже охватили школьные классы для уборки парков и зеленых городских зон. Привычка от детей перейдет к родителям, и так постепенно все станут больше уделять внимания городу.

— Ваш проект вызвал дискуссии и недовольство среди пермских архитекторов и девелоперов. Как бы вы это прокомментировали?

— Возможно, люди просто не до конца понимают, как работает мастер-план. Но более серьезная проблема в том, что архитекторы боятся, что для них не будет работы. А опасения инвесторов связаны с тем, что они владеют территориями, не включенными в мастер-план. Я намерен максимально плотно работать с местными архитекторами. Но они в это не верят. Что касается инвесторов, то рынок инвестиций в России похож на ковбойский город Дикого Запада. Кто-то покупает землю, строит торговый комплекс, который создаст транспортные проблемы, и когда он становится популярным, приходит другой

Один из проектов КСАР для европейских столиц: эскиз олимпийской деревни в Париже, разработанный для заявочной компании этого города на Олимпиаду 2012 года. Впрочем, право на эту Олимпиаду досталось Лондону

инвестор и строит рядом еще один торговый комплекс, который оказывается еще успешнее и убивает старый. В результате получается беспланируемая расправа энергии и строительных площадей, что приводит к разрушению города. Должен быть четкий разговор между властями и инвесторами. Надо, чтобы они не съездили друг друга, а, наоборот, помогли друг другу развиваться экономически. Но инвесторы боятся диалога, полагают, что мастер-план будет препятствовать их прибыли. Хотя в итоге он предусматривает создание более стабильного рынка недвижимости.

— В своем проекте вы уделяете большое внимание благоустройству города. В качестве объектов для вдохновения назывались Ботанический парк в Барселоне или Олимпийский парк скульптур в Сизтле. На какой из европейских городов, возможно, будет похожа Пермь?

— Это сложный вопрос. Есть много европейских городов, которые по размеру совпадают с Пермью и расположены на реке. По компактности и организации городского пространства они могли бы в какой-то степени стать примерами для Перми: Бордо или Нант во Франции, Бремен в Германии или Антверпен в Бельгии. Но я думаю, что Пермь останется Пермью со своим характером и силой.

— Так сложилось, что сотрудничество России с западными архитектора-

ми начинается с громкой сенсации и больших надежд, а заканчивается в лучшем случае на стадии проекта и громкими скандалами. Проекты Эрика Ван Эгераата, Захи Хадид, Доминика Перро так и остались нереализованными. Вас не пугает подобная российская традиция?

— Меня это не пугает. Проекты, о которых вы говорите, — это авторские проекты звездных архитекторов, поэтому они не смогли реализоваться в России. В их задачи не входит улучшение структуры и качества города, они нацелены на создание некоего архитектурного символа, который не имеет никаких отношений с окружающей средой. Проект Перми — это несколько другое. Мне ближе концепция создания Санкт-Петербурга. Это было действительно городское развитие, а не архитектурные элементы, внедренные в город.

— То есть вы готовы идти до конца? Насколько реальным вам представляется этот проект?

— Работа над проектом города — это своего рода любовные отношения. Ты начинаешь над ним работать, привыкаешь к нему, потом у тебя возникают с ним отношения. Ты чувствуешь, что ему необходима забота, ты хочешь, чтобы город стал лучше, ты хочешь ему помочь. Мы с моей командой работаем с полной отдачей и готовы продолжать столько времени, сколько будет необходимо.

— Действительно, культура в России всегда была приложением к чему-то. Жизнь мы одним образом, а культура у нас совсем другая. Жизнь у нас такая тяжелая, безрадостная, а культура у нас замечательная. Но вместе они никак не соединяются. Я всегда был убежден, что культура может, должна сыграть очень большую роль в жизни. Как это происходит во многих городах Европы. Но наша культура обладает огромной энергетикой.

— Культура может стать таким локомотивом, необходимо в это поверить. Это не значит, что сейчас в Перми мы начнем продавать билеты в театры по \$300 или за дорого картины, которые все ринутся покупать. Но мы можем создать вокруг культуры рынок. Пример: в Чарльди писателем Алексеем Ивановым несколько лет назад был придуман ландшафтно-этнографический фестиваль «Сердце Пармы», который проходил с 2006 по 2009 год. Этот фестиваль постепенно начал собирать на три дня палаточный лагерь из 8 тыс. человек, население небольшого прикамского городка. В этом году писатель Алексей Иванов отказался от проекта. К нам приходил руководитель Чарльди и просит оставить фестиваль: «Наш бизнес за эти три дня зарабатывает себе на год, помогите, не бросьте нас». В результате в этом году мы провели фестиваль «Зов Пармы».

— В этом году его посетили 12 тыс. человек. Для сравнения: французский город Авиньон, где в прошлом веке был придуман театральный фестиваль. Сейчас за месяц, который идет это мероприятие, город зарабатывает себе на год. На этот фестиваль вся Франция съезжается. Гостиницы в этот месяц в Авиньоне заказывать невозможно. То же самое происходит сейчас в Перми. Огромное количество событий. Этим летом в краевом центре впервые прошел фестиваль «Живая Пермь», замечательный праздник. Вся территория Перми была занята несколькими культурными площадками, причем это был единый город.

— В прошлом году фестиваль длился три дня, в этом году — пять дней. В следующем году весь июнь будет проходить огромный фестиваль «Белые Ночи в Перми», куда составной частью войдет «Живая Пермь». Фестиваль должен собирать горожан, чтобы приезжали гости. Они будут селиться в гостиницах, ходить в рестораны, нанимать наше такси. То есть гости будут оставлять здесь деньги. Это и есть бизнес, который мы должны развивать.

— В проекте бюджета края на 2011 год расходы на культуру увеличены на 33%. Рассчитываете, что вложения в культуру окупятся?

— Мы рассматриваем культуру не как отрасль, а как очень широкое понятие. Культура должна постепенно войти во все социальные сферы. С помощью культуры можно видоизменить город. Менять отношения среди горожан. Но поскольку в Перми нарастают интерес к культурным событиям, культура, как некая индустрия, будет набирать обороты. Мы открыли палеонтологическую выставку в Перми, и в первый день ее посетили 3 тыс. человек. Для того чтобы формировать этот интерес, нужно его развивать. Такие задачи стоят уже перед самой культурой как собственным отраслью. Прежде государство давало деньги культуре лишь на ее содержание, сейчас мы вкладываем средства в ее развитие. На Западе музеи и театры примерно на треть финансируются государством, треть они зарабатывают сами и треть — это частные вложения. Нам нужно стремиться к этим пропорциям.

— Краевые власти объявили о своей цели: Пермь собирается претендовать на звание культурной столицы Европы в 2016 году. Это реально?

— Не знаю, будет ли это в 2016 году, но это точно случится. Энергия культурных процессов настолько сильна, что это не может не быть. Но «Культурная столица 2016 года» — это не самоцель, это инструмент. Те города Европы, которые попадают в эту программу, получают дополнительный ресурс на реализацию культурных проектов, а самое главное, они получают точную цель. Это значит, что к этому году мы должны сделать так, что Европа должна к нам приехать. Речь идет о создании в городе новой инфраструктуры: дороги, гостиницы, рестораны. Вот оно прямое влияние на бизнес, вот прямое предложение бизнесу.

«Культура должна войти во все сферы жизни, в том числе и экономику»

Одно из главных событий VI Пермского экономического форума — представление новой концепции развития культуры Пермского края. Сегодня культура в Пермском крае становится важнейшим инструментом развития экономики и госуправления. О том, как власти Пермского края модернизируют экономику региона с помощью влияния через культуру на общественное сознание, рассказывает министр культуры края БОРИС МИЛЬГРАМ.

— Борис Леонидович, вы являетесь одним из инициаторов «Пермской культурной революции» и разработчиком концепции культурного развития Пермского края, которая впервые будет обсуждаться на Пермском экономическом форуме. Какие основные принципы развития региональной культуры заложены в этом документе?

— На мой взгляд, к обсуждению предложен действительно очень важный документ. Я не рассчитываю, что он сам по себе сразу будет одобрен. И не питаю иллюзий, что публичное обсуждение концепции сделает ее абсолютной. Но документ вместе с тем во многом поворачивает наше представление о культуре и возможной культурной политике.

— Собственно, концепция отражает уже то, что происходит в регионе: культура стала важным игроком в общественном, социальном и уже экономическом пространстве. Культура создает пространство, которое имеет несколько слоев.

— Во-первых, культурные процессы изменяют жизнь людей. Попросту говоря, меняются досуг горожан, увеличивается их возможности. Жители Перми получили доступ к большому количеству ценностей, которые были от них отделены. Ценности в виде выставок и фестивалей прежде находились в других городах, чаще всего в столицах. Это важный фактор, как провести свободное время. Жизнь людей меняется, у них появляются новые интересные возможности. А мы создаем возможности для самореализации людей, для творчества. Двери открыты для всех: «Welcome! Приезжайте!»

— Во-вторых, идущие культурные процессы необходимо перевести в бизнес-качество. Наша задача — создать условия, чтобы творчество художественного и креативного характера переходило в бизнес. Кое-что на этом пути уже началось формироваться. В частности, речь идет о ремеслах Прикамья: этим проектам нужна поддержка, поскольку рынок продукции прикамских ремесленников еще не сформирован. В Прикамье появляются новые музеи, растут театры. Эти процессы требуют сувенирной работы, в том числе и поделочной. Мы хотим создать в Кульмаре город мастеров — некий центр, куда бы стекались ремесленники и где бы обучался ремеслам молодежь. И дальше бы они растекались по всему краю, а может, и по всей стране.

— Наша задача — сделать индустриальный регион интеллектуальным. Сделать рабочую Пермь городом инженеров, городом изобретателей, интеллектуалов, компьютерщиков, бухгалтеров, художников, артистов. Третья составляющая концепции — узнаваемость Перми, Прикамья, а вместе с этим интерес к городу, интерес инвестиционный, туристический. Мы следим за социологией и видим, что за последние два года людей в наш регион стало приезжать гораздо больше. В связи с пермскими культурными процессами начинает формироваться так называемый туристический поток.

— Интерес к городу — одна из составляющих инвестиционной привлекательности, но не единственная. Мало завлечь в Прикамье туристов. Важно контролировать миграционные процессы, чтобы люди оставались жить в регионе. Социологические опросы показывают, что количество молодых людей, которые хотели бы отсюда уехать, в последнее время резко уменьшилось. Люди остаются, в том числе и по причине появления новых культурных ценностей. Когда в Перми появляется новый театр или музей, это сначала примиряет стремящихся покинуть город, потом вдохновляет их остаться в Перми, и вскоре они становятся его патриотами. И они хотят жить здесь.

— Но ведь в России культура отделена от экономики и финансируется государством? С помощью концепции вы, по сути, делаете ее локомотивом экономики?

прямая речь

Сможет ли культурная политика повлиять на экономику?

(Окончание. Начало на стр. 17)

Александр Киселев, гендиректор ФГУП «Почта России»:
— Экономические успехи Японии, Европы, США в огромной мере опираются на традиционную культуру, одинаково почитаемую всеми гражданами: и бедными, и богатыми, и образованными, и малограмотными. Даже Христовы десять заповедей в Европе, скажем, являются не просто словами, а важным фактором поведения человека — на работе, в семье, в бизнесе. Принципы «не кради», «не навреди ближнему» реализуются во

всех сферах бизнеса, именно отсюда законопослушность западных предпринимателей и чиновников. То, что происходило в России в «лихие 90-е», — малиновые пиджаки, «крышевание» бизнеса, рейдерство — имело прямое отношение к культуре и принесло не самые лучшие плоды. И до сих пор отсутствие у нас общей культуры с Западом приводит к тому, что нас считают развивающейся нацией джунглей. А это порождает комплексы, с которыми необходимо бороться. Путь к развитию и сильной экономике действительно лежит через культуру, изменение менталитета. Это доказано опытом многих стран, да и нашим собственным.

Доминик Жамбон, директор Французского культурного центра в Москве:
— Культура — важный фактор экономического развития города, в особенности если речь идет о регионах. Создание новых предприятий означает необходимость вместе с ними привлекать в город высокопрофессиональные кадры. Этим людям хочется найти там динамичную и современную культурную среду. В Европе есть несколько городов, которые сделали в данном направлении значимый выбор. В этом смысле одним из самых очевидных примеров стал Авиньон со

своим театральным фестивалем. Международная известность, которую приобрел фестиваль, имела жизненно важные экономические последствия для развития города, для его гостиниц, ресторанов и всей сферы обслуживания в целом. Фестиваль длится один месяц, но это позволяет городу обеспечивать работой половину своего активного населения в течение шести месяцев в году — цифра для региона огромная!

— Таков Бильбао в Испании, в Стране Басков, где был построен Музей Гуггенхайма, что существенно обогатило город. Таков и шотландский Эдинбург, где также благодаря театральному фестивалю, на который съезжаются публика со всего мира, удалось спасти тысячи рабочих мест... Вот уже несколько лет промышленная Пермь, переживавшая немалые трудности, вольным решением городских властей последовательно преобразует свой облик, прибегая для этого к культуре. Был переоборудован речной вокзал, превратившись в центр современного искусства, возникли новые театральные площадки, родились новые интересные фестивали. Остается еще многое сделать, в частности, в деле привлечения самих жителей к активному участию в перестройке их родного города. Но начало положено, процесс пошел, вызывая интерес к этому эксперименту со стороны культурных

кругов страны. Конечно, одной культурой положение не изменить и экономические кризисы, увы, не разрешить. Но факт, что в нашем подверженном глобализации обществе культура все больше утверждает себя как весьма значимый фактор экономики.

Антон Носик, шеф-редактор BFM.ru:
— Связь между культурой и экономикой не линейна. Количество написанных картин, сыгранных спектаклей и просмотренных фильмов, конечно, не прямым образом переводится в деньги и различные блага для региона. Однако понятно, что у людей, живущих в Москве или каком-нибудь заолупенном городе, есть ощущение культурной столицы и культурной провинции. И для многих людей это ощущение крайне важно: оно влияет на их самочувствие, активность, удовлетворенность жизнью. Отсутствие здоровой культурной среды для людей переломный и интересующийся — важная причина покинуть провинцию и перебраться в столицу. Сейчас мы наблюдаем в российской провинции отток экономически и культурно активного населения, это опасная тенденция, прямо влияющая на экономический регион, и ее нужно менять. Если губернатор Чиркунов своей политикой хочет изменить ситуацию к лучшему, это уже немало.

review НОВАЯ ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Культура против модернизации

(Окончание. Начало на стр. 17)

У нас сказаны тысячи слов про инновационное общество, но нет обсуждения того, что оно невозможно... без инноваторов. Без тех, кто способен создавать новое, кто готов к его восприятию и реализации. Для этого необходимо иное понимание человека. Не как исключительно потребителя благ и услуг, объекта социальных обязательств, но как индивида, обладающего личностью. Собственным миром, внутренним космосом. Личность может быть развитой, а может — не очень. Она целенаправленно выращивается, наполняется установками, ориентациями, умениями считать события и контексты. Усложняется или, наоборот, упрощается, наполняется стереотипами — «мертвыми картинками в голове».

Качество человека не менее важно, чем его свобода, поскольку эти ценности напрямую взаимосвязаны. Да и успехи образования сами по себе еще не гарантия развитости индивида и экономики, а лишь предоставление возможности доступа к технологиям трансляции культуры. Так, скажем, по количеству студентов мы на 1-м месте в мире, но по объему инновационной продукции — на 61-м.

Человек может быть более или менее здоров и образован, иметь квартиру и работу, но вот вопрос: к чему он стремится? Как понимает происходящее? Почему у большинства россиян отсутствует мотивация к обновлению, к инициативе, нет творческих амбиций, ослаблена потребность в достижениях и ответственности, без которых сегодня невозможно увеличение производительности труда — а ведь это главный источник экономического развития. По какой причине мы за 20 лет не вывели наших граждан с материка социализма, из массовой ненависти к крупному капиталу, к рынку. Зачем оставляем в их сознании ретро-сырьевые надежды? Уповаем (в этом уверены 68% населения) на такие понятия, как «границы», «враги», «чужие», «будущее надо ис-

кать в прошлом». Почему в большинстве случаев патриотизм ассоциируется только с победой в войне и спорте, а вовсе не с достижениями в мирное время? Проблема даже не в том, что мощнейшие культурные барьеры, в отличие от институциональных или политических, не связываются с появлением новой «умной» среды, источников роста, а в том, что сами экономисты и юристы, являясь сегодня главными демургами общественного развития, поместили культуру, понимаемую исключительно в узком смысле, в своего рода три концептуальных гетто: массового досуга и развлечений, создания авторских произведений, сохранения памятников и классики. А это означает использование «остаточного» и «вельможного» принципов финансирования культуры, упор на чисто рыночные механизмы финансирования телевидения и культуры в целом, консервацию всех тех эстетических, идеологических и поведенческих моделей жизни в России, от которых ли-

беральные экономисты так сегодня стремятся отказаться. Неспоста именно в этой сфере самые низкие в нашей стране зарплаты. Если их считать у 2 млн занятых, а не у нескольких десятков солистов. Сюда направляется самая маленькая и в первую очередь секвестрируемая доля бюджета. А ведь тут давно больше проблемы: 37% наших соотечественников теперь вообще не читают книг, 73% — не ходят в кинотеатры, каждый день в стране исчезает не менее одного памятника культуры... Что-то тут неладное. Причем в той редкой сфере, где мы по мировому признанию действительно конкурентоспособны. О культуре, конечно же, говорим с придыханием, с привычными эпитетами «великая», «историческая», «национальная». Но обо всем этом на самом деле, на практике — почти без денег, без административного ресурса.

Нужен новый, неформальный подход в осознании доступа граждан к благам культуры. Полезно создать атлас реально

работающих очагов. Где-то это музей, где-то — библиотека, клуб, студия, неформальное объединение. Их-то и следует целевым образом финансировать. Точно и персонально.

Культурная грамотность в инновационном обществе не менее важна для воспитания человека, чем компьютерная. Особенно теперь, когда урок как технология интеллектуального развития в школах практически исчезает. А других способов формирования самостоятельного мышления нет. За десять последних лет способность мальчиков не только писать сочинение, но даже элементарно пересказывать сюжеты художественных произведений ухудшилась в пять раз, а у девочек — в четыре. В стране сейчас тренируют в основном сдавать тесты.

Выбор очевиден: либо мы работаем на консервацию ныне существующих представлений и потребностей, самих механизмов их формирования, либо занимаемся интеллектуальным и моральным развитием личности как главной производительной силы. К сожалению, приходится констатировать: почти все государственные институты, законы, ведомственные распоряжения голосуют за философию услуг, за развитие, за воспроизводство существующих картин мира, а не их развитие.

У нас нет даже проектных штабов, где эту группу проблем хоть кто-нибудь бы отслеживал, тем более ею занимался. И чтобы изменить сложившееся здесь положение вещей, нужна новая культурная доктрина нашего общества.

Необходимо немедленно перейти к «пониманию культуры в широком смысле слова» (Д. Медведев), сосредоточить для этого максимальные интеллектуальные и проектные усилия. Пересмотреть саму философию и политику в этой сфере. Для начала признать — инновационную экономику нельзя построить без инноваторов.

Даниил Дондурей,
главный редактор
журнала
«Искусство кино»

Гуманитарная составляющая

Говорить о гуманитарной составляющей экономики и модернизации стало модно. Все чаще приходится слышать, что умные люди якобы так думали всегда, с самого начала, что модернизацию будут бы никто никогда не сводил к технологиям, а экономику — к деньгам и ценам.

Предыстория и контекст

У нас обычно именно так и бывает: правительские идеи выхлещаются, теряют смысл и силу именно тогда, когда они становятся общим местом.

В больших кабинетах все начиналось с идеи преодоления технологического отставания. Иногда это называли инновационным маневром. В общем контексте обновления именно эти слова первыми прозвучали, так вопрос изначально и ставился. Имелось в виду преобразование экономики, но предполагалось, что новая технологическая среда как раз и создаст новую экономику — а никак не наоборот. По умолчанию считалось, что надо как-то запустить инновации — и в результате «вектор развития» сам собой сменится «с сырьевого на инновационный». Постепенно приходит понимание того, что последовательность здесь другая: сначала меняется «вектор развития» — через институциональную среду, политический контекст и идеологию, а уже потом появляются массовые инновации. Или считается, что эти процессы должны быть синхронизированы и могут запускаться одновременно, параллельно, подталкивая друг друга. Иначе говоря, либо проложить дорожку и ехать по ней, куда надо, либо сворачивать с тупикивой трассы и гнать по целине, прокладывая тем самым новую дорожку — а заодно ломяя.

Однако рецидивы остались. Еще совсем недавно «реалистическое» мышление сводилось к тому, что демократизацию и модернизацию нельзя запускать одновременно: не будет ни того ни другого. Теперь в уважающих себя аудиториях такими сентенциями не шеголяют. Однако проблема в другом: даже если официально признается, что без обновления в политике не будет и изменений в экономике и технологиях, остается вопрос о содержании, формате и темпах этого обновления. Если мы еще даже не договорились о том, что необходимо менять в идеологии и политике, то как скоро эти процессы можно будет реально запустить, когда они дадут необходимый эффект? Это вопрос принципиальный, поскольку времени для снятия самих себя с «нефтяной иглы» остается все меньше.

Проблема усугубляется тем, что пока происходит все эти эволюции в сознании, в жизни инновационный процесс пытается

стартовать в старых условиях. Хотя известно: современное знание и хайтек таковы, что ни о каком инновационном духе не может быть и речи в условиях нетерпимости к инакомыслию. Может показаться, что это все слишком красиво и притянуто, а в жизни далеко друг от друга. Однако трудно показать, как политический зажим транспонируется в административный рэкет, а тот, в свою очередь, на корню глушит все мало-мальски инновационное.

Другая развилка — между «технократией» и «гуманитариями». Одни полагают, что модернизацию в России можно провести как чисто технологическую операцию, сугубо инструментально, примерно как смену оснастки и освоение новой продукции, как запуск нового производства. Другие настаивают на том, что ничего тут нельзя всерьез сделать без учета гуманитарной составляющей — без трансформаций в культуре и культурной политике, без опережающего изменения сознания, системы ценностей, типа отношений и самой социальности.

Набор слов

Все начинается с внимания к Слову. Пока мы мыслим в таком идеологическом языке и говорим на таком политическом наречии, ни о какой модернизации в стране речи быть не может. «Дубинкой по башке» без суверенных извращений. Для модернизации нужны уверенность в себе и смелость, а это скорее от неуверенности и прерывистого испуга. Лучшая инновационная стратегия — это когда людям с самых высоких трибун пытаются что-то объявить про ценности Свободы и демократии без суверенных извращений. Но тогда эти слова должны иметь продолжение — для начала хотя бы в других правильных словах. И в текстах. Если мы так трепетно относимся к свободе, то что это значит для государственной политики на телевидении, для практики партийного строительства и проведения избирательных кампаний, для либерализации политической жизни в целом? И т. д. и т. п. вплоть до реформы милиции, школьных учебников и лагерей для натаскивания подростков.

Иными словами, для начала необходим новый идеологический, политический и гуманитарный Проект — с пристойным и убедительным содержанием, с технологиями и графиками реализации. Это было бы, как минимум, технократично.

Набор дел

Из философии социального проектирования и теории идеологических процессов известно, что идеология — это одновременно и система идей, но и система институтов. После повальной деидеологиза-

ции начала 90-х эти институты сначала атрофировались и разрушились, а потом восстановились, но уже «в тени». Мы живем в обществе с теневой идеологией. Причем она является теневой и как система идей, и как система институтов, а также связанных с ними идеологических практик. Идеология, которую у нас навязывают обществу, не может быть прямо артикулирована без дискредитации идеологов, да и самой власти. Однако она вкрадчиво навязывается как своего рода идеологическое бессознательное — через телевидение, массовую прессу, через поведение и действия «лидеров нации» (идеология живого примера). А для внутреннего пользования остается своя, «элитная» идеология — циничного карьеризма.

Кроме того, институты выработки и трансляции этих идеологий также остаются в глубокой тени. В стране, несомненно, реализуется определенная информационная и культурная политика. Но где та инстанция, которая эту политику формирует, утверждает и воплощает? Где тут точка госзаказа? Все «догадываются», однако это место официально локализовано быть не может уже в силу конституционного запрета на отосударствление идеологии. Там, где идеологические институты у нас в действительности живут и работают, там они формально не прописаны и даже временно не зарегистрированы. Однако это идеологическое бомжевание по-своему удобно, поскольку уводит от ответственности. И от позора.

Постепенно общим местом становится понимание важности реконструкции и новой настройки («перезапуска») институциональной среды для экономики. Параллельно интеллектуальное сообщество и продвинутая часть политиков укрепляются в понимании значения политической и гуманитарной составляющей. В «вышке» уже обсуждают проблему ценностей едва ли не с большим энтузиазмом, чем цены на нефть, газ и металлы. Отсюда остается буквально один шаг до понимания необходимости перезапуска институциональной среды, но уже не только для экономики, но также для политического и гуманитарного развития страны. Нельзя модернизировать экономику и технологии, если не модернизировать само общество. По крайней мере, в наших сегодняшних условиях.

Это и называется политической культурой или культурная политика — как угодно, в любых приемлемых последовательностях и комбинациях.

Александр Рубцов,
руководитель Центра
исследований идеологических
процессов Института
философии РАН

пермский
экономический
форум 2010
perm economic forum

новая экономика и культурная политика
17–18 сентября 2010

Администрация
Губернатора
Пермского края

Группа Предприятий
ОАО «ЛУКОЙЛ»
в Пермском крае

www.permforum.ru
call center: 8 800 5550626

17 сентября

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ. ЭТАПЫ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОТ ИДЕОЛОГИИ ДО ТЕХНОЛОГИИ.
Модераторы: Валерий ФАДЕЕВ, Эдуард БОЯКОВ

Олег ЧИРКУНОВ. Вступительное слово
Лоуренс ХАРРИСОН. «Место России в современном мире»
Евгений ЯСИН. «Перспективы российской экономики: взять культурный барьер!»
Даниил ДОНДУРЕЙ. «Российская культурная политика как препятствие экономическому развитию»
Александр РУБЦОВ. «Составляющие российской модернизации: от технологий до идеологии»
Ярослав КУЗЬМИНОВ. «Капитализация личности: университеты в России в 10-е и 20-е года XXI века»
Владимир МАГУН. «Базовые ценности россиян и других европейцев»
Борис МИЛЬГРАМ. «Концепция культурной политики Пермского края»

СЕССИИ

«ИНВЕСТИЦИИ В КУЛЬТУРУ». Модератор: Александр МАМУТ
«МЕДИА БУДУЩЕГО». Модератор: Василий ГАТОВ
«ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ». Модератор: Андрей ПАНОВ
«КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЫ». Модератор: Моритц ГАТМАН
«РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ». Модератор: Лоуренс ХАРРИСОН
«КУЛЬТУРА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО». Модератор: Лев ЯКОБСОН

Культурная программа

«РАСПОРЯДОК». Музыкальный спектакль
Владимир Мартынов, Ганс Пат Холман, Смоки Мо,
Эдуард Бояков, Russian Visual Artists United
Ансамбль ударных инструментов Марка Пекарского
17 сентября, 19:30
Пермская краевая филармония

ВАЛЕРИЙ КОШЛЯКОВ «Недосягаемые». Выставка
17-18 сентября
Музей современного искусства PERMM

МУЗЕЙ ПЕРМСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ. Выставка
17-18 сентября
Пермский краевой музей

18 сентября

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ. НОВАЯ ЭКОНОМИКА И МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНА.
Модераторы: Александр ЛЮБИМОВ, Эдуард БОЯКОВ

Анатолий ЧУБАЙС. «Модернизация регионов – основа развития инновационной экономики»
Ирина СТАРОДУБРОВСКАЯ. «Посткризисная модернизация регионов: есть ли шанс?»
Анна Карла ФОНСЕКА РАЙС. «Креативная экономика и город»
Лев ЛЮБИМОВ. «Модернизация общества. Работа над культурой»
Рис ШОНФЕЛЬД. «Роль масс-медиа в культурных изменениях»
Мигель БАСАНЬЕЗ. «Опыт культурных изменений на примере Мексики и рекомендации для России»

СЕССИИ

«ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ ДЛЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ». Модератор: Алексей ЧАДАЕВ
«ПРАКТИКИ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ». Модератор: Ирина СТАРОДУБРОВСКАЯ
«НАУКА И ИННОВАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ВУЗОВ». Модератор: Илья ПОНОМАРЕВ
«ИНТЕРНЕТ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ». Модератор: Антон НОСИК
«УНИВЕРСИТЕТ И ГОРОД». Модератор: Маркус АППЕЛЬЦЕЛЛЕР
«КУЛЬТУРНЫЕ ИННОВАЦИИ». Модератор: Антон ГУБАНКОВ

«АРТ-СТРОЙКА»
Благотворительный аукцион работ российских
художников
18 сентября, 13:30
Пермская государственная художественная галерея

ОТКРЫТИЕ ФЕСТИВАЛЯ «ТЕКСТУРА»
Театр и кино о современности
Фильм «Мать»
Режиссеры: Павел Костомаров и Антуан Катин
18 сентября, 20:00
Пермский академический Театр-Театр